

[7].

Роберт Грейвс считает основным критерием настоящего поэтического произведения заклинание, наиболее точно изображающее могущество Белой богини – Музы, при чтении которого его воздействие на читателя так велико, что «волосы встают дыбом, глаза слезятся, к горлу подступает комок, по коже бегают мурашки и холодеет спина» [1, с. 39]. Он указывает, что в этих стихотворениях нет описания грандиозных событий и даже действующих лиц, но читатель чувствует незримое присутствие Белой богини, о чём «недвусмысленно свидетельствуют силы природы» [1, с. 40]. Подтверждением этому являются его стихотворения, в которых мы слышим как кричат в ночи совы, как летают зигзагами летучие мыши, и видим в темноте пауков, ловящих свою добычу:

Owls – they whinny down the night; Совы тихо ухают в ночи,
Bats go zigzag by. Зигзагом пролетают мыши летучие,
Ambushed in shadow beyond sight Засаду устроили изгой в тени,
The outlaws lie. Спрятавшиеся с поля зрения.

[3, с. 17] [Перевод наш.- Д. Э.]

Роберт Грейвс осуждает классическую поэзию, указывая, что при её чтении нельзя прочувствовать то, что чувствует читатель при чтении истинных стихотворений. Более того, он отмечает присутствие специального приёма «разжигания» в классической арабской поэзии, например, когда с помощью «изящного пролога о рощах, ручьях и соловьях поэт создаёт определённую поэтическую атмосферу и тут же, пока не рассеялось её очарование, переходит к тому, ради чего взялся за перо, - допустим, к льстивому описанию храбрости, благочестия и великодушия своего покровителя или к философским размышлениям о быстротечности и превратностях человеческой жизни» [1, с. 41]. Далее он отмечает, что в «классической английской поэзии «разжигание» нередко растягивается на всё произведение» [1, с. 42].

В «Белой богине» Роберт Грейвс пишет, что поэзия это «совокупность образов, на основе которых каждый новый поэт определяет своё понимание поэзии» [1, с. 232]. Роберт Грейвс указывает, что эти образцы разнообразны и противоречивы как слово «любовь».

На вопрос «Должна ли быть поэзия оригинальной»? Роберт Грейвс отвечает, что необязательно, только следует обладать «живостью, изяществом, выразительностью и знанием» [1, с. 274].

Главной темой поэзии Роберт Грейвс считает отношения между мужчиной и женщиной, которая должна быть «молчаливой Музой и вдохновлять поэтов своим присутствием» [1, с. 286]. Указывая на то, что поэзия произошла в эпоху матриархата и обязана своим волшебством Луне, а не Солнцу. Грейвс считает, поэт может понять суть поэзии только тогда, когда увидит внутренним взором Истину «обнажённой».

Таким образом, на основе проведённого исследования следует вывод, что Роберт Грейвс является первым современным мифокритиком, попытавшимся с помощью «эвгемеристического» метода, решить ряд кардинальных проблем поэзии. Ключевой для мифокритической образности и культуры является своеобразие и оригинальность концепции Роберта Грейвса, которая заключается в том, что поэзия имеет магические истоки, являющиеся началом начал всего художественного творчества. Роберт Грейвс оказал и продолжает оказывать особо важное и самобытное влияние на англо – американское мифологическое литературоведение.

Источники и литература

1. Грейвс Р.Белая богиня: Избранные главы / Предисл. Х. Л. Борхеса; Пер. с англ. И. Егорова. – СПб.; Амфора, 2000. – 382с.
2. Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии / Пер. с англ. Л.И.Володарской. - Екатеринбург: У - Фактория, 2005. -656с.
3. Graves R., «Poems Selected by Himself»,Edinburgh., Penguin Books., 1966. - 222p.
4. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия.- М.: Intrada, 2004.- 560с.
5. Козлов А.С.Мифологическое направление в литературоведении США- Москва «Высшая школа»,1984. – 175с.
6. Козлов А.С.. Литературоведение Англии и США XX века» М: Московский Лицей, 2004.-256с.
7. Тахо–Годи А. А. Роберт Грейвс – мифолог-поэт// <http://www.sno.pro1.ru>

Ищенко Н.А.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Первая попытка вовлечь все стихотворения о Крымской войне в единый контекст была предпринята Патриком Ваддингтоном в 1995 году. Хотя его исследование было посвящено преимущественно стихотворениям о Балаклавском сражении 25 октября 1854, единственном поражении армии союзников, но результатом стала библиография поэзии о Крымской войне за 1854-1856 годы. Она включает 267 стихотворений, опубликованных в поэтических сборниках, журналах и газетах, 57 анонимных уличных баллад и 214 стихотворений, опубликованных в самом популярном в то время журнале «Панч» [1]. Библиография эта, по мнению составителя, не претендует на универсальность, так как отследить все стихотворения, появившиеся за три года войны в британских и ирландских национальных и местных газетах для поддержания духа солдат, сражавшихся в Крыму, практически невозможно. Не включена в

библиографию американская пресса и британская колониальная пресса. Стихотворения, появившиеся в ней, носили в большей степени вторичный характер, а такие темы как «война с Россией» и «стихотворения Теннисона», считались «тяжелыми и неинтересными» [2, 189]. Новозеландская газета «Lyllelton Times» 22 ноября 1856 года даже опубликовала «гениальный» отчет о «взятии Севастополя племенем Маори».

После войны «Literary Gazette» писала: «Количество стихотворений, излитых на Альму и Балаклаву, Инкерман и Севастополь стало чрезмерным». Национальные и провинциальные журналы и газеты Британии, Британской империи и Америки наперебой публиковали произведения, как правило, второстепенных поэтов, воспевающих доблести британской армии. Все это, впрочем, было в порядке вещей: «английская литература, как и другие литературы, полна стихотворений о сражениях» - отметил Джордж Оруэлл в своем труде «Лев и Единорог: социализм и английский дух» (1941). Удивляет другое: те стихотворения, «которые завоевали популярность, всегда повествуют о несчастьях и отступлениях... Самое волнующее стихотворение о сражении на английском языке рассказывает о кавалерийской бригаде, которая пошла в атаку в неверном направлении» [3, 86]. Оруэлл имеет в виду стихотворение Альфреда Теннисона «Атака бригады легкой кавалерии», речь о котором пойдет несколько позже.

В середине февраля 1855 года та же «Literary Gazette» писала: «Почти каждый поэт любого ранга внес свой поэтический вклад. Мы сомневаемся, что хотя бы одному из этих стихотворений будет предназначено судьбой занять постоянное место в классической английской поэзии» [4, 105]. Журнал оказался прав лишь частично. Одно стихотворение все же удостоилось этой чести. Но в целом большинство произведений было написано второстепенными авторами и представляло собой сиюминутные отклики на актуальные события.

Среди поэтов были как профессиональные литераторы, так и журналисты, философы, священники, военные, адвокаты и даже садовники. Было много и анонимных авторов. Большинство поэтов было мужчинами, но откликнулись на события Крымской войны и женщины. Впечатляет и жанровое разнообразие стихотворений о Крымской войне. Среди них есть сонеты и уличные баллады, песни и оды, пародии и хоры.

Стихотворения, написанные в период войны, несомненно, использовали уже выработанные прессой ориентиры и «словарь патриотизма». Большинство из них носило откровенный ура-патриотический характер, о чем красноречиво свидетельствуют их названия: «Севастополь: Ура храбрым» (Sevastopol: A Cheer for the Brave), «Долг или герои атаки в Балаклавской долине» (Duty; or The Heroes of the Charge in the Valley of Balaclava), «Победа на Альме» (The Victory of the Alma), и т.п. Однако, наряду с такими творениями, создавались произведения серьезные и наводящие на размышления. В военное время эмоции не могут существовать исключительно в частной сфере, они неизбежно подвергаются влиянию настроения, превалирующего в обществе, и одновременно сами влияют на это настроение. Поэтому в поэзии этого времени заложен двойной потенциал: не только создание образов единства и утешения нации, но и контроль над читательскими эмоциями.

За немногими исключениями, поэты военного времени брали за основу концепцию «справедливой войны», имеющую в британской культуре довольно долгую историю. В дебатах 1854 года пресса, оправдывая текущую войну с Россией, часто цитировала специалиста права Э. де Ваттеля. Его комментарий по поводу законов, управляющих взаимоотношениями между государствами, представлял собой обзор уже существующей практики по отношению к войне и сводился к следующему: если дело короля – это дело Бога, а значит дело справедливое, то Бог на нашей стороне [5]. Однако к 1850-м годам уже не королева, а Парламент принимал в Британии решение по поводу вступления страны в войну. Это решение активно обсуждалось обществом, что, в свою очередь, создавало его беспрецедентную разобщенность в военное время. Чтобы преодолеть эту разобщенность поэты помогали создавать традиционные патриотические образы войны, расстраивая планы общественных дебатов и навязывая вместо этого простой логический аргумент, который использовался раньше, когда войну начинал король.

Настроение в Британии в завершающие дни 1854 года можно проиллюстрировать рядом стихотворений, появившихся в то время. В ILN от 16 декабря было напечатано стихотворение Ч. Маккея (Charles Mackay) «Герои Крыма» (The Heroes of the Crimea) с музыкальной партитурой, дополняющей ее героический язык звоном колоколов и драматическими «crescendos». В опубликованном там же 30 декабря «Инкерманском сражении» («The Battle of Inkerman») Маккей приводит читателей на поле битвы и дает поминутный отчет о военных действиях, основанный на опубликованных в газетах письмах солдат. Поэт с патриотизмом восклицает: «Каждое английское сердце в тот день / Билось пылко в битве (But each English heart that day / Throbbled impetuous for the fray). Он вводит так часто употребляемое другими поэтами сравнение в битвой при Фермопилах, также позаимствованное из прессы [6, 126, 129, 495]. В дальнейшем сравнивать мужество британцев в Крыму с бесстрашием спартанцев под предводительством Леонида у Фермопил в 480 г. до н.э стало обычным явлением в британской поэзии Крымской войны. Маккей приходит к выводу, что французская и английская армии «спасли напуганный мир» (saved a threatened world).

Но к этому времени после Инкерманского сражения, которое состоялось 5 ноября 1854 года, уже прошло два месяца. Приближалось Рождество и Новый год, и очевидное изменение в настроении газетных репортажей стало результатом отсутствия отчетов о новых сражениях. Внимание прессы сосредоточилось на страданиях солдат в Крыму и на печали тех, кто ждал их дома, что, в свою очередь, отразилось в настроении поэтических откликов на идущую войну в конце 1854 – начале 1855 годов. Стало не актуальным «бить в патриотический барабан», тон героический сменился тоном лирическим [7, 108]. В этом ключе было написано стихотворение «Ночь на высотах» (A Night on the Heights), опубликованное в «Tait's Edinburgh Magazine» в декабре 1854 года. Это был отчет очевидца Альминского сражения, который

дополнил богатую «литературу Альмы» личными переживаниями простого солдата.

В том же декабре В. Марстон (Westland Marston), который ранее уже представил читателям красочные батальные сцены в «Смертельной скачке» (The Death Ride), опубликовал в Athenaeum стихотворение «Военное Рождество» (War Christmas). Героическая история трех сражений уходящего года была в нем дана всего в трех строфах, тогда как основная часть стихотворения повествовала о горечи скорбящих, о том, что их скорбь особенно сильна во время семейных праздников (23 декабря 1854, с. 1559). Аналогичные чувства прозвучали в стихотворении Д. Масси (Gerald Massey) «Пока мы сидим у домашнего очага» (As we sit by the household fire) [8].

Современники в театре военных действий по-своему оценивали субъективные оценки британских бардов. На протяжении почти всей войны Э. Хэмли (Edward Hamley), будущий генерал, вел в «Blackwood's Magazine» постоянную рубрику «История кампании». 12 марта 1855 года он закончил и отослал в журнал из Севастополя статью о поэзии [9, 531-535]. Прославляя энтузиазм поэта, который «горит, воспеывая войну», автор статьи проводит параллель с «Илиадой». Вот как это могло быть прочитано Пелеем или Улиссом «к концу первого года их стояния перед Троей»: «Поэзия, которая помогает тем, что отбирает факты и соединяет их, чтобы потом восхвалять, сделала бы для них очищающую работу времени. Отвратительные картины лагерей и ежедневных деталей осады были бы стерты из их памяти. Для себя они стали бы героями. Каждый начал бы верить, что он видел олимпийских богов, которые вмешались в стычку, и каждый грек, который перенес прикосновение холеры, был бы готов поклясться Стиксом, что слышал звон серебряного лука и чувствовал острую стрелу мстительного Стрельца» [9, 531]. Подчеркивая тем самым преобразовательную силу поэзии, Хэмли утверждает, что некоторые ее функции уже эксплуатируются газетами: «Поэту не нужно призывать на помощь воображение и изобретательность, так как эти элементы поэзии уже сделали все возможное в колонках газет, которые он выписывает». Новая роль военного репортера широко обсуждается в прессе и признается чрезвычайно значимой. От поэзии же требуется только музыкальное свойство стиха как такового. Однако Хэмли замечает, что недавно опубликованная военная поэзия недостаточно героическая по стилю и что «примесь мысли делает естественный цвет решимости бледным и желчным» [9, 532].

Его взгляд на военную поэзию с Севастопольского фронта был более чем сардоническим. Все, что требуется от барда дома, заметил он, так это зарифмовать новости, «его глаз в прекрасном безумном изгибе перескакивает с «Таймс» на переплетенный лист бумаги, который он ныне покрывает балладами, сонетами или другими короткими формами, жалобными как оды Сафо или кровожадными как песни Цирцей» [9, 531]. Хэмли упоминает всего несколько имен и явно отдает предпочтение стихотворениям, созданным непосредственно на месте событий. Он выделяет и хвалит песню об Альминском сражении «20 сентября 1854 года. Написано капралом Д. Брауном, гренадером-гвардейцем и спето им, когда солдаты впервые достали спиртное, прибыв в Балаклаву, 28 сентября, 1854 года». Эта баллада, начинающаяся строчками «Вперед, храбрые британские сердца, // Которые любят Красное и Голубое» (Come All You Gallant British Hearts // That Love the Red and Blue), распространилась в Манчестере в виде листовок, а затем была опубликована и широко разрекламирована в «Blackwood's Magazine» в декабре 1854 года [6, 696] и в «Таймс» 6 января 1854 года [10, 8]. По мнению Хэмли, эта песня выгодно отличается от всего того, что присылает на фронт из Англии почтовое ведомство. Среди последнего он освещает только одну периодическую статью – «Глядя смерти в глаза» из ILN, а затем рецензирует две книги стихов, которые недавно получил: «Альма и другие стихотворения» Р. Тренча (Richard Trench) и «Сонеты о войне» А. Смита и С. Добелла (Alexander Smith and Sidney Dobell). Первая книга заслужила одобрительные отзывы автора, тогда как вторая была разгромлена.

В сборнике Тренча Хэмли имплицитно определяет две основных области воздействия поэзии. Одна из них проявляется в раннем военном стихотворении поэта, которое предсказывает более активный и более героический отклик на войну поэтов будущего:

Still, as well my soul presages,
Mightier voices soon will sound,
Which shall ring through all the ages,
While the nations listen round. [11, 1-6]

С другой стороны, в поэзии Тренча сильна философская струя. Комментируя его более поздние стихотворения, Ф. Майерс (Frederic W.H. Meyers) отмечает: «Поэзия может встретить наши печали лицом к лицу, может показать нам, что ей они тоже знакомы, и может трансформировать их в «нечто ценное и удивительное» с помощью певческого чуда внушения» [12, 489-96]. Это именно то философское настроение, которое окрашивает военную поэзию Тренча.

Что же касается сборника «Сонеты о войне» Александра Смита и Сидни Добелла, то Хэмли нашел многие сонеты неразборчивыми. Он злобно жаждет, чтобы мистеры Смит и Добелл приехали сражаться в Крым, а он посмотрит, как их воспоют другие английские барды. К счастью, отмечает он, настоящий солдат не очень верит поэтам.

Вслед за Хэмли, довольно любопытно продолжить сравнение этих авторов, но уже взглянуть на них с позиции наших дней. Баллада Джона Брауна никогда больше не публиковалась, и, хотя ее рукописный вариант находится в Национальном музее армии, не привлекала интереса публики, как синоминутный отклик на войну. Стихотворения преподобного Ричарда Тренча – поэта, филолога, священника и богослова – издавались отдельной книгой дважды – в 1854 и 1855 годах, а в 1865 году вошли в сборник «Стихотворения, собранные и выстроенные заново» (Poems, Collected and Arranged Anew). Интересный факт: когда капеллан Чарльз Эдвард Хэдоу в своем письме из госпиталя в Скутари просил прислать ему

экземпляры «Атаки бригады легкой кавалерии» Альфреда Теннисона, он запросил и экземпляры «Альмы» Ричарда Тренча. В этом стихотворении поэт довольно высокомерно поет о реке, бывшей еще вчера безымянной и неизвестной, а сегодня - навсегда прославленной «двадцатым сентября, когда были завоеваны Альминские высоты» (that twentieth of September, when the Alma's heights were won). Есть упоминание о Тренче и в крымской корреспонденции Флоренс Найтингейл, также в связи с ее заказом прислать ей в Скутари произведения Шекспира, Мильтона и хорошие современные романы, вроде романа миссис Гаскелл «Север и Юг». В этот почетный ряд она ставит и Тренча. Между тем, современному читателю многие комментарии Тренча кажутся до странности неуместными, а, по мнению Ваддингтона, зачастую даже глупыми. Он, этот читатель, «прочитав стихотворение Тренча «Балаклава», не поймет, что суровый указ «Иди туда» адресован Богу, не сможет ответить на вопросы, Бог ли послал бригаду Легкой кавалерии в атаку против русских пушек и почему непочтительным является плакать над трагической новостью» [1, 44].

«Сонеты о войне» Александра Смита и Сидни Добелла, вызвавшие такой гнев военного Хэмли, на проверку оказались более живучими. Очевидно, что эти сонеты не предназначались читателю-военному – их форма и основная мысль были направлены на аудиторию в Британии. Смит и Добелл использовали документальные свойства сонета для трансформации общественных событий войны в личные воспоминания для публики, которая, как и сами поэты, знала о войне только через дискурсивное посредничество газетных репортажей. Сонеты Смита и Добелла имели абсолютно другую культурную функцию, чем «Атака бригады легкой кавалерии» Теннисона. В то время как Теннисон создал эстетизированное представление о кавалерийской атаке, Смит и Добелл сознательно вовлекали своего читателя в войну и переводили документальные события в частную сферу потребления. Все это сближало их творчество с деятельностью военных фотокорреспондентов, в частности, с Крымскими фотографиями первого военного фотокорреспондента Роджера Фентона [13, 353-356].

Источники и литература

1. Waddington P. "Theirs But To Do And Die". The Poetry of the Charge of the Light Brigade at Balaklava, 25 October 1854. – Nottingham: Astra Press, 1995. – 224 p.
2. Hellstrom W. On the Poems of Tennyson. – Gainesville, Florida, 1972. – 93 p.
3. Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell. Vol. II: My Country Right or Left, 1940-1943. – L., 1968.
4. Literary Gazette. – 1855. - 17 February.
5. Vattel E. de. The Law of Nations; or Principles of the Law of Nature. – Philadelphia: T. & J.W. Johnson, 1854. – 656 p.
6. Blackwood's Edinburgh Magazine. Vol. LXXVI. – July-December, 1854. – L.: William Blackwood & Sons, Edinburgh, 1854. – 738 p.
7. Dereli C. A War Culture in Action. A study of the literature of the Crimean War period. – Bern: Peter Lang AG, European Academic Publishers, 2003. – 266 p.
8. Athenaeum. – 1854. – 16 December.
9. Hamley E. Poetry of the War, Reviewed before Sebastopol // Blackwood's Edinburgh Magazine. – 1855. - № 77. – P.531-535.
10. The Times. – 1854. – 6 January.
11. Trench R. C. Alma, and Other Poems. – L.: John W. Parker and Son, 1854. - 2nd edition, 1855. – 213 p.
12. Meyers F.W.H. Archbishop Trench's poems // Nineteenth Century. – 1877. - № 2. – P. 489-496.
13. Houston N. M. Reading the Victorian Souvenir: Sonnets and Photographs of the Crimean War // The Yale Journal of Criticism – 2001. - vol. 14. -№ 2. – p. 353-383.

Кличко С.

КЛАСИФІКАЦІЯ ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАНЬ КРИМУ (1945-1960 рр.)

Спроби класифікації кримських періодичних видань неодноразово здійснювалися науковцями на різних етапах розвитку журналістської науки. Так, О. С. Хоменок у книзі „Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838-1916): Очерк истории и библиографический указатель” подає типологічний аналіз преси Таврійської губернії початку XX ст. на основі тематичної спрямованості видань. Так, автор виділяє сільськогосподарську періодику, метеорологічні видання, медичні та лікарсько-санітарні видання, авіаційні журнали, гумористичні та сатиричні видання, спеціалізовані земські видання тощо. Проте, на жаль, в цьому дослідженні докладно описуються лише початки кримської преси. Над питаннями класифікації журналів та газет Криму працювали також Є. Гопштейн, Дослідники радянського часу зосереджували свою увагу головним чином на офіційній, науковій, демократичній, нелегальній та партійній періодиці. Як приклад подібного підходу можна навести роботу Нарановича, присвячену кримській періодиці 1905-1906 рр.

Мета цієї статті – розробити класифікацію періодичних видань, які з'явилися на теренах Криму в 1945-1960 рр., виявити характерні особливості кожного типу. Серед основних завдань варто виділити такі: систематизація даних про кримську пресу 1945-1969 рр., дослідження ознак кримських газет та журналів післявоєнного періоду.

Усі видання можна класифікувати у три основні групи: партійна періодика, літературно-художні